

for presentation purposes only

SloWar-2014xii13-14 – Синописис
(“трансмедиаляная” мини-сессия)

– 5 –

Slo War для T&P – Интервью

– 17 –

SloWar-2014xii13-14 – Синописис
(“трансмедиаляная” мини-сессия)

Slo War для T&P – Интервью

М.: проект letterra.org, 2015. - 26 стр.

[Что:] Серия презентаций и дискуссий проекта «Словарь войны (Москва, 2014-2019), посвященных возможностям ре/презентации и актуализации опыта Первой мировой войны средствами музейной экспозиции, книги, документального кино, театра (2014xii13-14).

[Контекст:] Слова Ребекки Уэст, автора “Возвращения солдата” (1918): “Я никогда не смогу понять, как это произошло. Не потому что фактов недостаточно, но потому что их слишком много», – сказанные в 1936 году о сползании континента в Войну летом 1914-го, ничуть не потеряли в своей актуальности и сегодня. Та открывшая XX век, «век-зверь», Война, затем перекованная в Гражданскую, продолжившаяся во Второй Мировой, затаившаяся в Холодной и отзывавшаяся в «локальных конфликтах» 1990-х-2000-х..., никуда не ушла от нас. Мы же, «сегодняшние», несмотря на столетие, отделяющее нас от ее взрыва, - стали ли мы понимать ее начала сколь-нибудь «лучше»? Какие ресурсы постижения ее событийности и дистанцирования от ее тотальности доступны нам - здесь и сейчас?

ISBN 978-5-8163-0088-9 (серия letterra.org_051' [версия 2015i21])

Аpropos-SloWar-2014xii13-14
(“трансмедиальная” мини-сессия)

Внимание к *медиа* презентации «событийности» 1-й Мировой – чье вытеснение обуславливало самоутверждение суверенности «советского XX века», прерванного падением Стены в ноябре 89-го и Беловежским соглашением декабря 91-го, но поныне, как и прежде, являющегося материей пристрастной интерпретации: обеспечивается ли таким, “техническим”, подходом беспристрастность суждения и восприятия?

Но искомая “беспристрастность” – не отсутствие страсти вообще, не ее вычищенность в “понятие”: это множественность перспектив, каждая из которых (так или иначе) не может не быть пристрастной – вследствие личной истории ли, социокультурной определенности ли, просто ли стечения обстоятельств...

28 июня 2014-го – в упреждение первоавгустовского столетия Великой войны – мемориальная мини-сессия SloWar’я была инициирована обсуждением «Белой ленты» Ханеке как кинематографического свидетельства «рождения насилия» из пасторального лютеранско-северонемецкого ландшафта – неожиданно комплиментарного стихии, породившей «сараевский инцидент».ⁱ Диалог следующего дня – посвященной опыту нарративной и многовекторной истории (как сцепления историй) того, как «Европа вошла в Первую мировую войну» – прого-

ⁱ Аудио «обсуждения» – <https://cloud.mail.ru/public/7509838ed632/SloWar-14vi28-onHaneke-A.ogg>

варивал уместность кларковской метафоры «лунатиков», для описания случайностных интеракций протагонистов мая-июля 1914-гоⁱ. Те два собеседования не затрагивали специальным образом наших актуальных реалий – «актуализирующим» представлялось практически любое высказывание по материалу собственно обсуждаемых фильма и книги.

Поэтому и исполненный через полгода, 13-14 декабря 2014-го, сет из 4 презентаций конференции «Словарь войны (Москва, 2014-2019)»ⁱⁱ, представлявший ресурсы «музейной экспозиции», «книги», «докудрамы», «театра» как различных медиа интериоризации опыта 100-летней давности, акцентированно избегал «актуализаций». Наша задача заключалась в избирательном сосредоточении внимания на том, *что* сегодня тот или иной из этих «медиа передачи культурной информации» может сказать о специфике, казалось бы, безвозвратно ушедшей из области возможного прямого контакта «пред-военной эпохи». (Ведь взорвавшаяся в 1914-м война – тогда, поначалу, равно неожиданная и желанная (как знак «обновления» общества и «нового начала» мира), во многом «фантазийная», еще рассматриваемая из «точки мира» – до сих пор для нас так и не окончилась. Не так ли?)

Выбор «типических случаев» для презентации и разбора частью напрашивался сам собой (издание «Первая Мировая. Война и миф» (Москва, программа «Первая публикация» Фонда В. Потанина, 2015), частью диктовался ранее принятыми точками наблюдения и перспективами рассмотрения (выставка «Я хочу быть русский солдат!» (ГИМ 2014)ⁱⁱⁱ; документальный фильм «До войны я был маленьким» (А. Булгакова, Д. Федорин (2006)), частью по-

i Аудио «диалога» – <https://cloud.mail.ru/public/576fd4c68e6e/SloWar-14vi29-WWI-onSleepwalkers.ogg>

См. также рус. пер. «Заключения» из книги К. Кларка: <http://lettera.org/author/klark-kristofer>

ii См. текст приквел-интервью координаторов проекта для сайта «Теории и практики» (««Война – это просто форма жизни: как осмыслить философию конфликта через перформанс») – <http://theoryandpractice.ru/posts/10077-slovar-voyny> (наст. изд. – сс. 17-26)

iii Полное видео презентаций «1-го дня» (2014xii13) представлено на <http://www.youtube.com/watch?v=rhryrfjfgN0> (Далее при ссылках на видео презентаций 1-го («Выставка») и 2-го («Издание») сетов трансмедиальной мини-сессии «Словаря» имеется в виду эта запись)

требовал ситуативно обусловленных решений (спектакли «Бесы» (реж. М. Мокеев, М. Рахлин) и «Конармия» (реж. М. Диденко) мастерской Д. Брусникина (2014))^{iv}. Но все эти избранные для прохода через различные медиа «случаи» оказались достаточно интенсивными и сложными, чтобы стать демонстративными как в отношении свидетельского ресурса собственного медиума, направленного на памятование опыта (1-й мировой) Войны, так и завязанности различных медиа друг с другом (как формально, так и содержательно – через сквозные сюжеты (детское восприятие актуальной истории; «лубковое» ожидание-обещание «счастья» и неспособность справиться с истощающей «бедой» силами масс-медиа; обрушивание первоначально «постановочной» репрезентации в «репортажность», по достижении «точки ноль» выводящей на конструктивизм «импринтинга нового человека»; техническая дефициентность любых форм отражения «реальности», ниспровергающей «старорежимные» уклады и порядки в силу самой динамики разрушения всего, что может быть разрушено). И все эти «случаи» предъявляли результат оригинальной «полевой» работы авторских коллективов, исходя из своей профессиональной перспективы работающих с неприсвоенным «наследием прошлого», более или менее жестко обрамляющим наше непроясненное настоящее.

iv Полное видео презентаций «2-го дня» (2014xii14) представлено на http://www.youtube.com/watch?v=oG_C9RqoCoE (Далее при ссылках на видео презентаций 3-го («ДокуДрама») и 4-го («Театр») сетов трансмедиальной мини-сессии «Словаря» имеется в виду эта запись)

1-й сет трансмедиальной мини-сессии «Словаря» (13xii14 14:00-16:00) был центрирован на презентации реконструированной выставки детских рисунков 1914-15 гг. **«Я хочу быть русский солдат»** (оригинально собранной *В.С. Вороновым*), восстановленной для экспозиции в Государственном историческом музее (Москва, IX-XI.2014) *Евгением Лукьяновым*ⁱ.

«С началом войны, осознавая эпохальное значение происходящих событий, он [Василий Воронов] начал собирать детские рисунки на военную тему, благо материал сам шел в руки. В одной из своих статей ученый писал: «Будущий историк наших дней будет благодарен за каждую правдивую и верную черту, отразившую нашу современность. В будущей громадной летописи о наших днях должны быть строки, вписанные рукой детей, и их рисунки, непосредственно отражающие то, что они видели и о чем думали». (Вестник воспитания. 1915. № 2)»ⁱⁱ

В отличие от ряда других «мемориальных» экспозиций (изобиловавших представлением материальных артефактов, массивов фото- и кинохроники того времени, но и современных виртуальных медиапрезентаций) подготовленных московскимиⁱⁱⁱ и др. музеями к 100-летию начала «Великой», но «забытой» войны, реконструкцией выставки «Я хочу быть русский солдат» предьявлялась, казалось бы, лишь «факультативно значимая», на деле же – «сквозная» для формирования внутреннего понимания катастрофичности «русского XX века», подборка рисунков 6-13-летних современников

i См. презентацию Е. Лукьянова на youtube-версии видеодокументации «Словаря» (2014xii13) – 3:30-34:20 . В последующей дискуссии по теме (**«Графика как свидетельство... и «время после»»**) приняли участие *Дмитрий Орлова* (Ивановский музей им. Д. Бурдылина), *Нина Маркова* (Третьяковская галерея) и модератор – *А. Громова* (letterra.org>slowar.tv)

ii Info – <http://www.shm.ru/shows/2139/>

iii Например, в Мультимедиаарт музее – <http://mamm-mdf.ru/exhibitions/the-war-that-ended-peace/>; в Новом манеже (“Взгляни в глаза войне”, концепция П. Лунгина) – <http://itar-tass.com/kultura/1404293>; в Манеже (“На переломе... Россия в Великой войне, 1914-1918 гг.” (куратор А. Егоров) – <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1860652>); в Историческом музее (“Последняя битва империи” (до 5 февраля 2015 г), video – <http://mediashm.ru/?p=6300#6300>

начала той Войны... В их «непосредственном отражении» видимого и думаемого ими еще воплощена «точка мира» («старого» мира), опознававшего войну лишь как сказку и приключение, маскарад, «игру в солдатики», сопряженную с единственной опасностью – не успеть в ней поучаствовать. «Ковбой» и «индейцы» в ней легко могут меняться местами, а смерть – условна и отзываема... В большинстве своем эти детские рисунки – оригинальные переработки увиденных в газетах, лубках, пропагандистских открытках и фильмах образов, поскольку те оказываются вписываемыми в «игровые сценарии», обыгрывающие взрослые надежды на «войну до Рождества»...

2-й сет «Словаря» (13xii14 17:00-19:00) был центрирован на презентации книжного издания **«Первая Мировая. Война и миф»** (М., «Первая публикация» Фонда В. Потанина, 2014)^{i, ii}

Это издание предлагает неординарную попытку «синтеза исторических материалов и экспонатов (лубки, плакаты и печатная графика периода 1-й Мировой; фрагменты личной переписки; «дневник Рассыхаева»; фотолетопись 182-го Гроховского пехотного полка (1914-17 гг.) из музеев Иваново, Рыбинска и Сыктывкара. Эти публикуемые впервые «региональные» досье по истории Первой мировой войны сцеплены друг с другом комплексным образом: графические и фото-материалы соотнесены с историей боевых действий, воссозданной по архивным документам, и прокомментированы в их ключевых и сквозных сюжетах. «Специально разработанный дизайн книги создает возможность «гипертекстуального» просмотра сразу трёх её томов (тексты, фото и графика), приглашая читателя самостоятельно сопоставить былые и актуальные мифы о той войне с её действительными событиями».ⁱⁱⁱ

Как «формально», так и «содержательно» сборка издания экспериментальна: на конкурс «Первой публикации» были поданы, независимо друг от друга, 3 самостоятельных музейных проекта по одной теме – визуальное представление «русской Первой Мировой». При сопоставлении и уточнении этих проектов прояснилась их внутренняя связь – как

i Info – <http://1p.fondpotanin.ru/projects/fww>

ii При участии *О. Орачевой* (Фонд В. Потанина); *Е. Вязовой* (проектное бюро «Спутник»); *О. Гожалимовой* (Рыбинский музей-заповедник) и *С. Бандуры* (Национальный музей Республики Коми); *Д. Орлова* (Ивановский музей им. Д. Бурылина), *Н. Марковой* (Третьяковская галерея); *С. Нелиповича* (историк, научный консультант издания). // С последующей дискуссией по теме: **«Ре/Конструкция Истории – возможности Книги...»** Модератор – *О. Никифоров* (letterra.org>slowar.tv)

iii См. структурное представление Издания (Е. Вязовой) на youtube-версии видеодокументации «Словаря» (2014xii13) – 2:13:05-2:28:21...; «исторический» комментарий к изданию С.Нелиповича – 3:26:02-3:46:55...

фактическая, так и структурная. Так, 2 собрания военных фотографий оказались частями одного целого – фотолетописи 182-го Гроховского пехотного полка, фиксированной на камеру, соответственно поручиком Сигсоном (коллекция Рыбинского музея) и, позднее, рядовым Мелехиным (коллекция Национального музея Коми), – впервые собранными вместе, исторически (покадрово) атрибутированными и откомментированными (в том числе и в связи с «боевой историей полка» – в статье С. Нелиповича) в издании. Эта «фотолетопись», в том числе дающая возможность отследить хронологию изменения отношения к войне (от ее восприятия как хорошо поставленного парада к репортажным снимкам, предьявляющим «случайность», «истощение», «надлом»...) комплиментарно отражается томом «графики», представляющим пасторально-пропагандистскую продукцию периода начала Великой войны – лубки, плакаты и открытки 1914-15 гг. (коллекция Ивановского музея). Этот «пасторальный» период визуальной пропаганды сошел на нет к лету 1915-го, когда массово-радужное восприятие войны оказалось рассеяно гнетущим, пусть и «стратегически образцовым», многомесячным Великим отступлением русской армии от западных рубежей империи. Надежды на «войну до Рождества» рассеялись, и вместе с тем оказалось выхолощено, лишено содержания, «лубочное производство», работающее с материей «побед» и обещаниями *happy-end'a*. Побед не предвиделось, сказкам старого мира уже не верилось. Лубку («Сегодняшнему лубку» Ларионова, Малевича, Маяковского) еще предстояло возродиться в пост-революционных «Окнах РОСТА», но лишь после достижения «точки ноль», дезавуирования великих иллюзий и разложения старого режима для нового варварства, форматирующего, на обломках старого, новый мир и нового человека...

3-й сет «Словаря» (14xii14 14:00-16:00) был центрирован на презентации «кино-документального» подхода к передаче опыта Войны

При участии: *Максим Павлов* (историк кино): [**«Кино-память. Начала»**]ⁱ; *Анна Булгакова* и *Денис Федорин* (кинодокументалисты): [**Вокруг «До войны я был маленьким»** (2006)]ⁱⁱ

Поддача войны через кино рассматривалась с двух позиций. С одной стороны, это ранняя кинохроника и постановочное кино о войне, еще не имеющие собственного языка; с другой – новейшее документальное кино, обладающее уже развитыми способами выражения и представления материала. О характере «военной кинохроники» в период до 1914 года рассказывает историк кино Максим Павлов. Это последовательный и скрупулезный рассказ о «явлении войны» на экране. От первых хроник англо-бурской войны начала 1900-х до первых кадров русско-японской. Само восприятие войны как некоего впечатляющего зрелища задавалось скорее игровыми постановочными лентами, сделанными еще до войны и имевшими в основе батальную живопись XIX века. Характерно, что первые военные хроники войны 1914 года за неимением материала использовали в первый месяц хронику русско-японской войны. Речь шла о показе войны как таковой. Распропагандированная массовая публика приветствовала появление таких материалов, особенно в первые победоносные полгода войны. К 1916 году, когда количество производимых фильмов в России возросло в несколько раз, именно военных фильмов уже очень мало. Эта динамика отражает состояние общества, переходящего от состояния подъема к апатии в переживании затянувшейся войны. Постепенно это приводит к тому, что возникает новый запрос на какой-то новый кинематограф, поскольку проявляется несводимое различие между той «войной», что публика видит на экране, и ее же собственной реальностью. Этим зиянием производится чувство обре-

i См. презентацию М. Павлова на youtube-версии видеодокументации «Словаря» (2014xii14) – 4:57-38:23 ; комментарий Д. Федорина – 39.52-48:39.

ii С последующей дискуссией по теме: «Слепые пятна» докудрамы... Модератор – К. Голубович (letterra.org>slowar.tv)

ченности, «начала конца»: вырывающаяся из-под контроля реальность более не схватывается никакой образностью. Однако разработанный язык актуального кинематографа позволяет нам сегодня вспоминать о событиях и темах прошлого, которые не имели своего хроникального образа и были скорее частью той реальности, что в свое время оставалась неотображаемой. Так, тема русских детей-солдат Первой мировой – феномен, носивший массовый характер – никогда напрямую не затрагивался кинохроникой. Этот сюжет не казался достойным специальных выпусков кинохроники (обычно демонстрировавшейся перед киносеансами). Но неотраженная в кино – эта тема все же есть. Она зафиксирована в газетах, в объявлениях о «розыске» сбежавших из дома детей, в воспоминаниях и письмах. И сами дети, то и дело появлявшиеся в кадре во время съемок парадов и военных смотров, возле боевой техники, все же фиксировались пленкой – эти фрагменты, как правило, выбраковывались при монтаже. Современный документальный язык, при помощи разных приемов киноповествования, позволяет создать из этих обрезков, из этого визуального музейного архива некое «несуществующее» свидетельство, обладающее особым рода достоверностью. При этом совершенно очевидно, что такой массовый феномен как бегство детей на войну, сам был вызван необыкновенной силой технических средств массовой провоенной агитации – кино, газеты, лубок, печатная продукция. Героизация войны затрагивала все слои общества. То есть в определенном смысле «попадание» детей на войну было одновременно и «попаданием» их в кадры хроники, и даже шире – хроника, кино становилось той сценой, куда вводилось всё общество, не исключая детей. И обратного пути нет. К своему «мирному» до-военному, не «мобилизованному», «некинематографическому» состоянию общество не вернется больше никогда. От этой точки далее двинется поколение детей, оставляющих свое детство перед порогом 1914-го года. И, как акцентирует историк Денис Федорин (участвовавший и в работе над изданием «Первая мировая война. Война и миф» и, совместно с Анной Булгаковой, в производстве фильма «До войны я был маленький»), именно Первая мировая война создает все те новые феномены общественных отношений, использования техники, человеческого ресурса, которые затем будут подхва-

чены и задействованы как основы нового строя после революции 1917-го. Это та самая «темная», «неотраженная» реальность затянувшейся войны мирового масштаба, шедшей, по сути, весь XX век, которая лишь постепенно схватывается новой сложной образностью, обретает понимание и рефлексию...

4-й сет «Словаря» (14xii14 17:00-19:00) был центрирован на диалоге по теме: **“Война/Театр: от “Бесов” (2014) к “Конармии” (2014)...”**ⁱ

При участии *Дмитрия Брусникина* (режиссер) и *Алексея Малобродского* (Гоголь-Центр); Модератор – *О. Никифоров* (letterra.org>slowar.tv)

Конечно же – как «Бесы», так и «Конармия» как в литературном исполнении (соотв., 1871/72 и 1925/37), так и в театральном представлении 2014 годаⁱⁱ, пусть и не относясь непосредственно к 1-й Мировой, обрамляют для нас груз ее наследия как сборки личных «историй» низвержения в безысходный круговорот насилия, цитаты из которых (как и актуальные их вариации, принимаемые нами за «чистую монету», как собственно наш опыт «ужаса») теснят нас по сей день. – Следствием заумных решений оказывается тронувшийся умом мир, требующий бездумных, здесь и сейчас, действий ради сказочного (отсрочиваемого не на «четыре года», но на жизни и поколения) блаженства... «Здесь и сейчас», однако, и есть материя «современного театра»: что тебя трогает – здесь? а здесь? а сейчас?.. В этом отношении оказывается, что «театральное» воздействие на зрителя срабатывает тем больше, чем более условным и игровым образом выстраивается предьявляемое высказывание о реальности «за окном»: театральное «сообщение» сильно своим подручным символизмом, его «документальность» – остраненная, «внутренняя», отражающая специфику нашего «приёма» того, что довлеет миру.ⁱⁱⁱ В этом высвобождении из-под гнета внешнего мира, уязвляющего и внутреннее восприятие, зритель следует – параллельно или вслед – атлетическому пути ак-

i См. на youtube-версии видеодокументации “Словаря” (2014xii14) – 1:45:11-3:30:45. Особо – реплики Д. Брусникина и А. Малобродского по теме театрального “атлетизма” и “антитекстуализма” – 1:58:10-2:44:24 и далее.

ii См. соотв. ссылки на <https://www.facebook.com/masterskayabrusnikina?fref=ts>.

iii Ср. видео: 2:09:54-2:18:55

тера, исполняющего задание режиссера в его пластической борьбе с монументальностью оригинального текста. «Классический» текст, как и «внешний» мир, поскольку они предстают как приказ и угроза, подвергаются *здесь и сейчас* – на театральной сцене и в зале – реконструкции в исполняемое с легкостью и воспринимаемое с облегчением. Так что Война становится чем-то «невероятно смешным и жутким»ⁱ...

@slowar.tv, 2015i21

Slo War для T&P ⁱⁱ

Недавно в Гоголь-центре прошла очередная сессия «Словаря войны» — международного проекта-акции, состоящего из высказываний о разных опытах войны: от частной до Великой, от финансовой до войны образов. T&P спросили у координаторов проекта Олега Никифорова (О.Н.) и Алены Громовой (А.Г.), почему российское общество так и не вышло из состояния войны, актуально ли понятие подвига и зачем им самим нужен этот проект. Героем «Словаря войны» может стать почти кто угодно: журналист, фотограф, переговорщик, клоун, историк, человек любой другой профессии. В течение двухдневного марафона выступлений у каждого участника есть только 20 минут для того, чтобы сформулировать в одном слове-концепте самую суть своего знания о войне.

— Расскажите, как появилась идея проекта?

О.Н.: Наш проект «Словаря войны» — это оригинальная, русская реплика, которой предшествовал немецкий «Словарь войны», проведенный четыре раза в разных городах Германии и Австрии в 2006 — 2007 годах. Его делали две группы арт-активистов «Unfriendly Take Over» и «Multitudes» и наши коллеги из берлинского издательства «Merve». Симптоматично, что это Германия и Россия — здесь тема войны гораздо ближе к коже. Формат и у нас, и у них один и тот же: 20 минут, разовое выступление, предъявление концепта войны. Но есть принципиальный момент — наши коллеги не проводили столь плотной предварительной работы с участниками. Все-таки там существует система институтов наук и искусств, где диспут постоянно воспроизводится и машинизируется.

ⁱ Ср. видео: 2:24:02-2:26:01 (в связи с «документальностью» в «Это тоже я» (2013))

ⁱⁱ Интервью *Ирины Куропаткиной*: ««Война — это просто форма жизни»: как осмыслить философию конфликта через перформанс» - <http://theoryandpractice.ru/posts/10077-slovar-voyny> (публикация — 25xii2014)

ется — постоянно делаются высказывания. Там преподаватели и ученые живут от доклада к докладу, имеют какую-то ставку и на вопрос участия в «Словаре войны», как правило, не задумываясь отвечают: «Да, конечно». Здесь мы создавали сцену с нуля. Кого приглашать?

А.Г.: Если европейский проект по форме более артовый, то нами тема войны воспринимается по-другому. У каждой российской семьи есть кто-то, кто не вернулся с войны, или покалечен, или ранен опытом родителей, бабушек, дедушек. Наши одноклассники еще воевали в Афганистане, дети одноклассников — в Чечне. У каждого есть своя точка боли — она очень близко и не проходит. Таким веселым и провокативным, как на Западе, наш «Словарь войны» быть не мог.

— Как обычно проходят выступления?

О.Н.: В первом «Словаре войны», который прошел в 2009 году в ГЦСИ, в первый и второй день было предъявлено по 16 концептов. Высказывания шли одно за другим, без перерыва. В 2010 году мы делали нашу «конференцию» в Школе драматического искусства, в зале «Глобус». Там мы разбивали все презентации на четверки. Тогда у нас лучше получилось проявить специфику нашего проекта. Во-первых, была некоторая театрализация...

А.Г.: В том смысле, что мы использовали театральные средства: звук, затемнение, кулисное раскрытие глубины сцены, чтобы максимально сделать зрителя со-участником происходящего здесь и сейчас.

О.Н.: ...Одновременно шла трансляция в фойе, где проходила выставка комикса «Эпизоды из Аушвица» и была зона чиллаута — можно было сохранять контакт и в то же время ослаблять интенсивность сопresутствия марафону выступлений. Ведь сидеть восемь часов — это реальный вызов, это чрезвычайно трудно, учитывая, что даже одно высказывание может выбить человека из равновесия.

— Почему вас привлекла форма публичного высказывания?

О.Н.: К концу нулевых стало понятно, что книги сами по себе не работают — нужно предъявлять зафиксированный в книгах опыт в оффлайне. В произнесенном тексте присутствует человек. А присутствие — это ответственность. Какой материал прежде всего предполагает режим Live? Экзистенциально значимый. Мы сами определили жанр «Словаря войны» как «дискурсивный перформанс», где идеальное выступление — это проход сталкера. Ты ниче-

го не понимаешь, но у тебя есть проводник, который тебя приведет и выведет.

— Какими бывают высказывания?

О.Н.: Презентации концептов разные: все зависит от субъективного опыта и ангажированности. Если человек — солдат, то говорит одно, если переговорщик — другое, если военный корреспондент — третье...

— Что, по-вашему, в этот момент должно происходить со зрителем?

О.Н.: Как правило, зрители формируются из круга друзей, наших или участников, иногда это случайно зашедшие люди. Они объединяются событием — предъявлением множественных опытов истории, реальности, травм. Идеально, когда происходит встреча между разными людьми, когда представленный концепт одного участника перекликается с концептом другого или с опытом человека из зала. У нас были такие случаи... Наталья Нестеренко говорила об опыте изгнанничества. Она родом из семьи терских казаков, коренных жителей Грозного. Во время Первой чеченской войны это была наиболее уязвимая группа населения. Получалось, что они, русские из Грозного, — враги для тех и для других. В ответ на ее выступление у женщины из зала родилась своя пятиминутная реплика. Она сорвалась с места, горячо говорила и лишь в конце, как бы вспомнив о формате, предъявила свое слово — «холод». Война — это *холод*.

В принципе, каждому человеку из публики, которого, возможно, касается месседж высказывания, нужен отдельный ассистент, чтобы помочь зафиксировать новый опыт. Но у нас не было на это ресурсов. С другой стороны, аудитория не выходит из «Словаря войны», покидая зал. Они оказываются в свободной зоне, где могут друг с другом «пить чай», беседовать... Или придумывать какой-то план, не имеющий прямого отношения к происходившему. «Словарь войны» оказывает энергетическое влияние, вызывающее нарушение привычного равновесия. Два человека могут быть затронуты разными концептами, но в ситуации нарушенного равновесия возникают новые связи. Например, наряду с прочим, из контекста второго «Словаря войны», в результате возникшего контакта между двумя нашими коллегами, был инициирован фестиваль активистского искусства «Медиаудар».

— Почему вам было важно сделать этот проект?

О.Н.: «Словарь войны», издательство, которым я занимаюсь с 97-го года, другие подобные проекты я воспринимаю как практику философии. Я преподавал во второй половине 90-х в РГГУ и потом делал какие-то курсы. Но тогда возникал вопрос: «Что ты преподаешь? Каким практикам ты учишь людей? К какой встрече с миром ты их готовишь?» Этот момент встречи с миром в университете, как в некоей резервации, остается на потом: «Ну, а потом все как-то уладится». Ты заканчиваешь университет — упс... Ничего не выстраивается. Возможно, тебе как-то удастся остаться в вузе: поступаешь в аспирантуру, докторантуру или занимаешься преподаванием, но чего-то главного не происходит. Для меня же «Словарь войны», презентации, речи, книги — и есть отработка моментов встречи с миром, человека с человеком и человека с идеалами. Почему война? Потому что это точка максимальной интенсивности, предельного опыта. Война вплетена в мир — это просто форма жизни.

— Но что лично вас так интересует в войне и заставляет о ней думать?

О.Н.: Здесь может быть с десяток разных ответов. На личном уровне понятно: всё пребывает в борьбе. Насколько это декодируется тем или другим участником — отдельный вопрос. Но что меня волновало больше всего — это загадка начала войны и проблемность ее завершения. Эти два вопроса, воспринятые лично мной, являются достаточным обоснованием для моего участия в проекте. Мои деды, оба из крестьян, оба солдаты, воевали во Второй мировой войне и оба погибли, пропали без вести... И это странная жертва — каким «богам» она была принесена? В каком контексте сейчас она находится?

Притом сама война непонятна. Первое сентября 1939 года — почему? Девятое мая 45 года — это конец или не конец? Не конец, потому что было 2 сентября — капитуляция Японии. Эпизод атомных бомбардировок, который с течением времени “расцветает” отдельным сюжетом. Не конец, потому что потом была Холодная война, в том числе содействовавшая крушению Советского Союза. Это конец? Нет, после этого ничего не прекращается — региональные войны вспыхивают с новой силой. Происходит изменение баланса на мировой арене — и потом мы непонятным образом оказываемся в месте сегодняшнего стран-

ного «мира». Где ты? Кто ты? Если задавать эти вопросы, то именно война всплывает как сила, меняющая культурный и цивилизационный ландшафт.

А.Г.: Ваш вопрос еще глубоко связан с семейными историями. Мы — те, кто так и не вышли из войны, потому что наши семьи не вышли из войны. Революция, гражданская, Первая, Вторая война — мы мобилизационное общество, ни о каких гражданских свободах мы не можем говорить. Почему так? Что должно произойти?

Для нас война — это предельный опыт нашего сопротивления, нашего поражения, нашего восприятия, наших надежд. А «Словарь войны» — это попытка понять Другого, понять, из-за чего случается война и какой она бывает. Это область неповиновения мейнстриму, который создает одномерный образ стиля жизни и выхолащивает само понимание личности. Мы не занимаемся массовым и отказались от того способа зарабатывания денег, который осуществим лишь при условии соглашательства. Наш проект — это та площадка, где мы отстаиваем себя, свои приоритеты и мировоззрение.

— Вы считаете, что можете что-то изменить?

А.Г.: Мыслить так, конечно, утопично. Но если не пробовать, ничего никогда не изменится. Я это знаю по своему ближайшему кругу. Если у человека есть личная воля (а воля всегда может быть только личной), упертость, неверие в невозможность, то что-то происходит, нужное притягивается и ситуация меняется. Хотя бы как часть звена в цепочке. И потом мы абсолютно не знаем и не понимаем территорию следов, которые мы отрабатываем. Может быть, результат будет через сто лет. Но в отсутствие среды, где ставятся вопросы и происходит поиск ответов, это возможное будущее закрывается.

Наш второй «Словарь войны» был в 2010 году, еще до “Болотной”. Возможно, если бы у нас было большее информационное подкрепление, если бы аудитория «Словаря» была большей, то те митинги прошли бы по-другому, интенсивнее — в плане формирования сообщества понимающих, что такое гражданские свободы.

Ведь что тяжко: мобилизационное общество очень легко поддерживает идею войны и начинает голосовать «за» — что сейчас и происходит. Может быть, нам надо было бегать и орать о этом проекте «выхода из войны» как о важнейшем из того, что было на тот момент. Потому что имен-

но общество, которое не вышло из войны дает не прирост на “Болотной”, а 87% поддержки актуального «гаранта». Оно готово к битве. Оно на низком старте. Это общество реванша, и на этом играют. Но мы не пользовались инструментами пиара. Мы люди, которые завязаны на интеллектуальное поле, из XIX века, по большому счету, не из XXI-го.

О.Н.: Мы задались целью организации «Словаря войны», понимая, что это будет бесконечный труд и бесконечный процесс, который можно фиксировать в той или иной монтажной группировке, но она никогда не будет финальной. Это своеобразный номинализм против реализма: нет общих понятий, есть конкретные понятия, которые обладают силой типического примера. Меня не было на войне, вас не было на войне. Я подхожу к человеку, который был на войне, и говорю: «Можешь предъявить свой опыт в 20-минутной презентации?» Он, наверное, спросит: «Зачем тебе это нужно? Тебя там не было». Но это слово — способ хотя бы приблизительно понять его опыт и процитировать его смысл. Например, «Уровень рассеивания. Пепел» — выступление Ильи Плеханова, участника сербо-хорватского конфликта. Его высказывание — это скорбное памятование. Что остается от войны? Пепел, чувство того, как все рассыпается. И если человек воспринял такое высказывание, он будет с большей осторожностью оценивать большие высказывания типа «сербо-хорватский конфликт ставил целью модернизацию государств, стабилизацию делением и принятие нового курса и т.д. и т.п.». Такие события легко закатать в общие формулировки, они выдаются «экспертами» на-гора, сотнями и тысячами, но, к сожалению, в большинстве случаев оказываются мимо кассы — помогают закрыть тему, но не почувствовать главного.

— При работе с героями вы используете идеи французских философов Делеза и Гваттари о концептуальных персонажах. В чем суть этих идей?

О.Н.: «Концептуальный персонаж» — это удачное название подхода к выступлению, при котором спикеру предлагается сыграть роль самого себя. Это не значит, что нужно что-то придумывать. Наоборот: нужно выдать интенсивность, которую по жизни с собой нести сложно, сконцентрироваться в некоторого «героя». Такой герой может нечто большее, чем «ты», «я». Он может нести ответствен-

ность на протяжении продолжительного периода времени. Тут вспоминаются слова майора Вячеслава Измайлова, который участвовал в «Словаре войны» в 2009 году и с которым потом мы делали книгу «Путеводитель переговорщика. Вербатим»: «Когда я еду в Чечню освобождать пленных, то я знаю, что могу продержаться день-полтора, максимум два. Дальше они увидят, что я обычный человек, что меня можно взять». Нужно предъявить своего героя. В нашем проекте нет повторов, есть только «здесь и сейчас». Академические заслуги в этот момент ничего не значат: нельзя ничего дописать или дообъяснить, как в курсе лекций, регалии тоже не помогут. “Здесь Родос, здесь и прыгай”. Не обязательно, что человек выскажется в полной мере. Предположим, он что-то чувствовал, был готов, но вышел на сцену, и настроение ушло. Или у него открылся сюжет, который рушит мысли и строй его речи. Тогда не получается блестящего высказывания, но это и не обязательно.

— При этом вы говорите, что «Словарь войны» это перформанс. В нем присутствует элемент игры?

О.Н.: С той точки зрения, что говорящий все равно разыгрывает себя. Сейчас мы с вами довольно свободно общаемся. Но если человек выходит на сцену, предполагается, что он будет предъявлять некий акт. Не фрагмент истечения своей жизни, а акт. Я подхожу к потенциальному участнику и говорю: «Сделайте уникальный акт на 20 минут, который, однако, будет соседствовать рядом других уникальных актов...» Он будет собираться, он будет разыгрывать себя, в лучшем смысле слова: у него есть короткий отрезок времени, а дальше — конец. Ему нужно максимально эффективно использовать эти 20 минут и выбрать нечто в своей жизни, что может отвечать за все.

— Любой ли человек способен на это?

О.Н.: В принципе, да. Просто кто-то может собраться сам, а кому-то нужно ассистировать в поисках. И иногда — или всегда — времени на это недостаточно. Огромная работа — подготовить «героев» к высказыванию, которое будет обращено к истории, к Богу, но и, конечно, к живым людям напротив. И потом — у человека могут быть наносные идеи о своем концепте, о своем «герое». В процессе это становится ясно: человек говорит не о том, его проблема другая. Ведь вы знаете: придуманный сон неубедителен.

Также и придуманный концепт или героическая позиция неубедительна — это знак того, что надо добираться до настоящей сути.

— **Что нужно сделать, чтобы открыть в человеке его настоящего героя?**

А.Г.: Это всегда происходит на уровне чуда. «Стихи растут, как дети и как розы,/ как красота — ненужная в семье» [цитата из стихотворения М. Цветаевой — *прим.ред.*]. Никакой техники здесь нет. Есть совпадения: мы с этим человеком совпали, и он нам доверился и открылся, или не совпали. Были люди, которые изначально не раскрывались, но мы чувствовали, что там что-то есть. И после многих бесед, когда вдруг нащупываешь важное, ставишь правильный вопрос, с человеком начинает что-то происходить.

Например, Олег несколько раз общался с писателем и журналистом «Новой газеты» Аркадием Бабченко несколько раз. Аркадий назначал встречи, говорил не о том, переключался на свои истории. Олег слушал, а потом в какой-то момент решил позвать нас с Ксенией [К. Голубович — филолог, переводчик, координатор российского «Словаря войны» — *T&P*]. Мы приехали в редакцию, как ни грустно, в день смерти Натальи Эстемировой. Там был дикий траур. Мы вышли из газеты в кафе, стали разговаривать — и как-то Аркадий поверил нам: сделал для проекта «Круг войны», очень сильный текст.

Я думаю, можно пытаться найти некий универсальный инструмент или начитать разных книг, но это не работает. Работает любовь. Мы всегда на стороне героя. Если с ним уже что-то происходит, он готов взрываться и освобождаться — значит, мы пришли вовремя. Бывали случаи, когда люди не приходили на первый «Словарь войны», но потом участвовали во втором.

— **Где и как вы ищите спикеров?**

А.Г.: По-разному. Иногда через знакомых, иногда через тексты. Бывает, мы понимаем, что человек нам очень нравится и интересен, а иногда мы находим само понятие, о котором бы хотелось поговорить. Например, «подвиг» — странное уже для современного мира слово. Насколько существование подвига реально? Насколько это миф? Это адекватное поведение человека? Сегодняшняя жизнь не то что не воспевает подвиг, она его отрицает. Мы под-

готовили **высказывание** об этом с педагогом и доктором филологических наук Борисом Леоновым, который еще в 1985-м защитил диссертацию по теме «Героизм, патриотизм, народность русской советской литературы», на наш же прямой вопрос о главных русскоязычных авторах «о войне» ответивший: «Шаламов и Некрасов».

О.Н.: В 2009 году во второй и последний раз в Россию приезжал Фридрих Киттлер — удивительный человек и один из главных европейских медиатеоретиков. На «Словаре войны» он сделал высказывание **«Блицкриг»**. Друзей из Лондона мы попросили записать видео с одним из наиболее значительных сегодня историков Энтони Бивором. Его концепт назывался **«Лики ужаса»**.

С клоуном Лео Басси мы познакомились, когда он был в 2008 году в России на гастролях и участвовал в Конгрессе дураков Полунина. Потом мы с ним встретились в Берлине после его очередного выступления и записали монолог. Он с ходу предъявил концепт **«Клоун (на войне)»**, вобрав в него и память о своем деде, воевавшем на Первой мировой, и свой опыт.

— **Под какой темой проходила последняя сессия «Словаря»?**

О.Н.: Это была не «ординарная» конференция — мини-сессия под названием «Первая мировая: Свидетельства. Выставка-Книга-Докудрама-Театр». На этот раз мы не ставили задачу дать слово «концептуальным персонажам», цель была — представить возможности того или иного медиума. Так сложилось, что к годовщине Первой мировой одновременно в Историческом музее (ГИМ) открылась выставка «Я хочу быть русский солдат», вышла — в программе «Первая публикация» Фонда Потанина — книга «Первая мировая. Война и миф» о лубках, плакатах и фотографиях того времени; Анна Булгакова вместе с Денисом Федориным сделали документальный фильм «Волшебный комсомолец» об одном из мальчиков 1907 года рождения; и, наконец, в мастерской Д. Брусникина, с очень молодым актерским составом, были поставлены пьесы «Бесы» и «Конармия». Мы хотели исследовать, как каждый из этих медиумов, каждый из которых по-своему современен, может транслировать опыт войны, следовать штампам или уходить от штампов искусства.

— **О чем бы вам хотелось сделать следующую сессию и когда она будет?**

О.Н.: В 2014-м мы только вошли в череду столетий Первой мировой, официально — для Европы и Америки — закончившейся в июне 1919-го заключением Версальских договоров, этим, словами маршала Фоша, «перемирием на 20 лет»... Что вы сами помните, считаете нужным сегодня помнить из 1915-го? На мой взгляд, это *газовая война*, заставляющая и нас, сегодняшних, задуматься о техниках войны, которые, произведенные человеческими руками, обрушиваются на наши головы как кара небесная, абсолютный ужас, как некая демоническая сила, «измена природы». И, с другой стороны, тема «великого отступления».

Эти темы — «машины для убийства», переформатируемые в стихии уничтожения, и воронка опустошения, в которую втягивается мир-в-войне — в первую очередь обращают на себя мое внимание, когда я думаю о будущих сессиях.

А.Г.: ... или о «машинах любви», который работают без остановки, не оставляя ни времени, ни сил на всякие войны.